

Документальный материал не позволяет, повидимому, восстановить родословную Грудцыных в достаточной полноте, но если верить „Повести“ как документу, то на ее основании в сопоставлении с родословной, составленной Н. А. Баклановой, можно предположить, что у Тимофея Грудцы, кроме Якима и Юрия, был еще один сын — Фома, а также внук Савва. Этот сын переселился в Казань, но скоро разорился. Доводом в пользу такого объяснения служат слова беса из „Повести“, когда он впервые является Савве и говорит: „Аз убо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне еще хощеши уведати, и аз того же рода от града Великого Устюга, зде давно обитаю ради конския покупки“ (стр. 239). Эти слова явно говорят о существовании казанской ветви рода, но воспоминаний о казанских Грудцыных Н. А. Баклановой обнаружить не удалось, может быть, потому, что, как указывает исследовательница в своей статье, архивных материалов о 20-х годах XVII века не сохранилось, а к 40-м годам казанская ветвь этой семьи уже прекратила свое существование, о чем ясно сказано в „Повести“. Савва был единственным сыном Фомы и, постригаясь в монахи (вероятно, в конце 30-х годов), роздал все свое имущество бедным. Таким образом, в 30-е годы XVII века история казанских Грудцыных оборвалась. Утверждать положительно, что это предположение соответствует действительности, невозможно, поскольку не обнаружено никаких данных, подтверждающих его, но как гипотезу его можно выдвинуть, тем более что никто из Грудцыных, приведенных в родословной, не мог послужить прототипом Саввы. Независимо от того, кто именно из Грудцыных послужил прототипом Саввы, важно отметить, что это должен был быть представитель третьего поколения семьи. Важно это вот почему.

Суммируя все, что известно о Савве Грудцыне, можно сказать, что Савва участвовал в Смоленской войне, потом стал монахом Чудова монастыря; в монастыре же он и умер. Описанием смерти Саввы заканчивается „Повесть“: „И восприят иноческий чин и нача ту жити в посте и молитвах, непрестанно моляся господеву о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко господу отъиде в вечный покой, иде же святии пребывают“ (разрядка моя, — С. К.) (стр. 262). Именно смерть Саввы, вероятно, и послужила поводом для написания „Повести“. Никаких общественных подвигов Савва не совершил, иначе об этом бы сообщалось в „Повести“; следовательно, память о его жизни не могла быть долговечна. „Повесть“ является, повидимому, своеобразным некрологом раскаявшемуся грешнику. К сожалению, известны очень немногие точные даты рождения или смерти Грудцыных, но кое-какие даты все же имеются. Представители третьего поколения Грудцыных — Степан и Сила Якимовичи и Алексей и Василий Юрьевичи — еще упоминаются в таможенных книгах Устюга Великого в 50-е годы XVII века, но в 70-е годы их имена в этих книгах уже не встречаются. Кроме того, из сведений, сообщаемых Н. А. Баклановой, известно, что в 1660 году было пожаловано Леденгское Усолье Василию Ивановичу, т. е., вероятно, к этому времени его отец, Иван Якимович, уже умер. Иван Якимович был самым младшим из известных нам Грудцыных третьего поколения, так что можно предположить, что к этому времени должен был умереть и тот из его родных или двоюродных братьев, который постригся в монахи. Таким образом, соображения, касающиеся прототипа Саввы, приводят к тому же выводу, что и рассуждения М. О. Скрипиля: „Повесть“ была написана в 60-е или в начале 70-х годов XVII века. Думается,